

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 11 / 2025, Iss. 11 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-2

Двойничество и расщепление персонажей в первоначальной редакции пьесы Л. Андреева «К звездам»

¹ Кадлубинская П.В.,
¹ Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Аннотация: статья посвящена анализу механизмов двойничества и расщепления персонажей в первоначальной редакции пьесы Леонида Андреева «К звездам». Основное внимание уделено диаде Петра Терновского (в ранних редакциях – Верховцева) и Валентина Верховцева, которые рассматриваются как результат художественного расщепления единого архетипа, восходящего к Петру Верховенскому из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Исследуется интертекстуальная связь с романом Достоевского, а также трансформация идейной составляющей: если у Достоевского Верховенский – носитель разрушительного начала, то у Андреева конфликт между «двойниками» лишен однозначности и отражает внутренние философские метания самого автора. Доказывается, что Петя Терновский и Валентин Верховцев становятся выразителями двух полярных мировоззренческих позиций (пессимизм Шопенгауэра vs активный ницшеанский протест), между которыми сам Андреев, как явствует из его дневников и писем, не мог сделать окончательный выбор. Таким образом, расщепление персонажа служит способом художественного воплощения авторского внутреннего диалога, его сомнений относительно путей развития России в переломную эпоху 1905 года. Тема двойничества раскрывается не только как литературный прием, но и как отражение глубокого экзистенциального кризиса творческой личности.

Ключевые слова: двойничество, расщепление, «К звездам» Л. Андреева, расщепление образов в драматургии

Для цитирования: Кадлубинская П.В. Двойничество и расщепление персонажей в первоначальной редакции пьесы Л. Андреева «К звездам» // Modern Humanities Success. 2025. № 11. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 2025 г.

Duality and splitting of characters in the original version of L. Andreev's play 'To the stars'

¹ Kadlubinskaya P.V.,
¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article analyzes the mechanisms of duality and character splitting in the original version of Leonid Andreev's play "To the Stars". The primary focus is on the dyad of Pyotr Ternovsky (Verkhovtsev in early drafts) and Valentin Verkhovtsev, interpreted as the result of an artistic splitting of a single archetype that originates from Pyotr Verkhovensky in F.M. Dostoevsky's novel "Demons". The intertextual connection with Dostoevsky's novel is examined, alongside the transformation of the ideological component: whereas Dostoevsky's Verkhovensky embodies a destructive force, Andreev's conflict between the "doubles" lacks clear-cut moral definition and mirrors the author's own philosophical uncertainties. It is argued that Pyotr Ternovsky and Valentin Verkhovtsev become vehicles for two opposing worldviews (Schopenhauerian pessimism vs. active Nietzschean protest), between which Andreev himself, as evidenced by his diaries and letters, could not make a definitive choice. Thus, the character splitting serves as a means of artistically rendering the author's internal dialogue and his doubts about Russia's path during the tumultuous era of 1905. The theme of duality is presented not merely as a literary device but also as a reflection of a profound existential crisis within the creative individual.

Keywords: duality, splitting, 'To the Stars' by L. Andreev, splitting of images in dramaturgy

For citation: Kadlubinskaya P.V. Duality and splitting of characters in the original version of L. Andreev's play 'To the stars'. Modern Humanities Success. 2025. 11. P. 57 – 62.

The article was submitted: July 10, 2025; Approved after reviewing: September 7, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Двойничество давно стало предметом пристального внимания литературоведов. Н.Я. Берковский, например, писал о данном феномене в произведениях Мольера [7, с. 639]. Ю.М. Лотман [14, с. 226] также исследовал европейскую культуру и особенно работы Ф.М. Достоевского. А. Ханзен-Леви [18, с. 18] – творчество символистов. О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинский Л.А. Абрамян определили, что двойничество берет начало еще в мифах, изображающих братьев-близнецов, контрастирующих или даже противопоставляемых друг другу.

Другая функция была выделена С.Д. Кржижановским в статье 1923 г. «Философема о театре» (подраздел «Двойник»), где автор видит решение конфликта героя в преодолении противопоставления и слиянии в одно «я» [13].

Таким образом, мы можем говорить о многообразии выполняемых двойником функций: противопоставления, слияния для решения конфликта, отражения внутренних переживаний и т. д.

В пьесе Л. Андреева «К звездам» два персонажа, Петя Терновский и Валентин Верховцев, противопоставляются Петру Верховенскому, известному персонажу романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

Материалы и методы исследований

Центральный конфликт первоначальной редакции пьесы, датированной 20 окт. 1905 г., кроется в поиске места интеллигенции в современном обществе. Об этом, например, писали В.А. Мескин, С.М. Браиловский, И. Цай в статье «Творческие дискуссии М. Горького и Л. Андреева в ретроспективном обозрении» [15, с. 43]. А если говорить еще конкретнее, Андреев сталкивает оторванного от жизни астронома с беснующейся необразованной толпой, ошибочно обвиняющей ученого в затмении. Заканчивается же все победой жестокости и невежества, когда ворвавшиеся в обсерваторию бунтари убивают исследователя. Последующий вариант пьесы, содержащий пометку «3 ноября 1905 г.», в свою очередь, не содержит сцены захвата обсерватории: в центре повествования оказывается судьба сына астронома, Николая, который оказывается заключенным в тюрьму, где сходит с ума, но своим примером вдохновляет других революционеров на борьбу с властью. Таким образом, в редакции пьесы от 3 ноября 1905

года раскрывается судьба революционера, добровольно жертвующего собой на благо других. Вероятно, на изменение концепции конфликта пьесы повлияли события русской революции 1905 г. и необходимость отвечать на вызовы того времени, а также, по мнению некоторых исследователей, влияние «буревестника революции» М. Горького.

О непохожести первоначального и финального вариантов пьесы сообщает и известный исследователь творчества Леонида Николаевича Л. Н. Афонин. По его мнению, первоначальный замысел настолько отличается от окончательного варианта пьесы, что их можно рассматривать как самостоятельные произведения [6, с. 139]. Для нашего анализа наиболее интересен именно первоначальный текст, поскольку в нем присутствует кульминационная сцена нападения крестьян на обсерваторию во время затмения.

У современных исследователей, в отличие от литературоведов, имевших в своем распоряжении только публикацию 1975 г. в «Андреевском сборнике» под редакцией Л.Н. Афонова [6], есть возможность ознакомиться с черновыми набросками и автографами автора, датированными 10 окт., 11 окт., 16 окт. В 4 томе Полного собрания сочинений и писем Л. Андреева в 23 томах, и это позволяет раскрыть некоторые секреты пьесы. На первом листе чернового наброска, датированным 10 окт. 1905 г., есть сразу два списка действующих лиц, озаглавленных «ЧН4» и «ЧН5». Примечательно, что, согласно ЧН4, имя астронома – Сергей Николаевич Верховцев. Его сын, Петя, также заявлен в списке действующих лиц. В том же ЧН4 уже идет речь о некоем Валентине Алексеевиче Горбатове. В следующей наброске (ЧН5), фамилия астронома пропадает, точнее, переходит к Горбатову, который тут охарактеризован коротко: «Верховцев, с.-д. или эсер, друг Петра, влюбленный в Анну. 30 л.» [1, с. 478]. Этот переход фамилии от одного персонажа к другому может указывать на преемственность между героями. Более того, Андреев и сюжетно собирался «породнить» своих персонажей, обозначив их связь с дочерью астронома, Анной.

Скорее всего, Верховцев получил такую фамилию из-за желания Леонида Николаевича показать стремление персонажа к звездам, вверх: его обсерватория – высокое здание с большим куполом, находящееся далеко в горах. К тому же такой вы-

бор позволил писателю создать любопытную параллель между сыном астронома и героем романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Также такой выбор кажется очевидным, если вспомнить высказывание на фронте обсерватории, упоминаемом в пьесе: «Haec domus Uraniae est. Curae procul este profanae ! Temnitur hic humilis tellus. Hinc ITUR AD ASTRA!» (Это дом Урании. Будьте далеки от мирских забот! Отсюда отправляются к звездам!). Это, в свою очередь, отсылает нас к другому известному выражению Луция Аннея Сенеки, древнеримского философа, *ad astra per aspera* (через тернии к звёздам). Однако герой Андреева живет не среди звезд, а среди обыкновенных людей, в мире, где царит хаос, бунт, борьба. Возможно, поэтому в варианте рукописного автографа ЧА2, к сожалению, не датированного, но, вероятно, следующего далее по хронологии, на 52 строке» [1, с. 534] астроном становится Терновским, намекая на то, что ему еще предстоит пройти через тернии.

Следует уделить внимание не только фамилии ученого, но и его имени. В ЧА4, как уже было сказано ранее, Андреев назвал его Сергеем. Почему же тогда автор решил в последующих редакциях дать профессору имя Всеволод? Здесь также есть две версии. Во-первых, чтобы избежать переклички с еще одним своим героем, носившим имя Сергея. Имеется в виду «Рассказ о Сергее Петровиче», написанный Андреевым в 1900 г. Если Сергея Петровича писатель сам называл «нищенцем» [9, с. 486], то едва ли приверженность этой концепции применима к Сергею Николаевичу. Более того, Сергеем у Андреева часто выступали герои-революционеры (Сергей Головин из «Рассказа о семи повешенных» и Сергей Сергеевич из рассказа «Возврат»). Во-вторых, драматург мог добиваться комического эффекта: Всеволод (в переводе «владыка всего») в конце пьесы оказывается растерзанным толпой безликих, безграмотных крестьян.

В списке действующих лиц, помимо астронома и его жены, мы можем прочесть и о его детях – Николае (вероятно, названного так в честь деда), Петре и Анне. Николай Терновский/Верховцев – вне сценический персонаж, о котором мы узнаем только из разговоров действующих лиц. Анна – средняя дочь в чете Терновских. Петр Терновский/Верховцев – самый младший, романтичный и впечатлительный из детей.

Вновь обращаясь к списку действующих лиц в ЧН4, о Валентине Алексеевиче мы читаем: «приятель Николая, что-то вроде жениха Анны. Лет 30. Самоуверен, повелителен, иногда груб. В разговоре принижает собеседника легкой иронией» [1, с. 477], однако далее, в ЧН5, датированным также 10

окт. 1905, как и ЧН4, мы находим: «Верховцев, с.-д. или эсер, друг Петра, влюбленный в Анну. 30 л.». Таким образом, начав писать пьесу, Л. Андреев почти сразу решает изменить концепцию произведения и диада Петр Верховцев – Петр Верховенский превращается в триаду Петр Терновский – Валентин Верховцев – Петр Верховенский.

На близость наследование Андреевым пути Достоевского писали еще современники автора пьесы «К звездам» В. Иванов, Д. Мережковский, К.И. Чуковский, Д.Н. Овсянко-Куликовский и т.д. Спустя столетие, ученые находят все новые и новые связи между авторами. Например, Л.Н. Икитян в статье «Леонид Андреев»: движение по пути, указанному Достоевским», видит сходство не только в «умопостигательном» характере их творческого мышления, но и в ряде фактов из жизни и даже посмертной славе [11], а Г.А. Зябрева в статье «Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска» соотносит шкалу духовных ценностей Ф.М. Достоевского с «книгой итогов» Л. Андреева [10].

Образ Петра Верховенского также зачастую становился предметом научного исследования литературоведов. Н.В. Пашнев рассматривал его как агента-provokatora [16], а В.А. Хотакко говорит о персонаже Верховенского как о путанике, который обречен на одиночество, потери и духовное оскудение в тот момент, когда «законничество» переходит в беззаконие [19].

Результаты и обсуждения

Фактически, герой романа Достоевского, Петр Верховенский, предстает перед читателем отъявленным негодяем, в чьем прошлом много темных пятен. Ясно одно – им движет жажда власти. В стремлении достичь желаемого он организует кружок революционно настроенной молодежи, а затем пытается скрепить союз последователей кровью, организовав убийство своего бывшего друга Шатова. Н. Ю. Казакова писала о Верховенском не просто как о персонаже в системе образов Достоевского, но как об архетипе революционера, проповедующего новую нравственность на блага дела революции [12].

Персонаж Андреева, Валентин Верховцев, тоже революционер, как и Петр Верховенский. Валентин амбициозен, властолюбив. Он глубоко обеспокоен тем, что происходит вокруг него и жаждет перемен. Однако его устремления заканчиваются печально: в первом акте сопротивление терпит поражение от рук богачей, в третьем становится известно о сумасшествии Николая, а в четвертом на обсерваторию совершается нападение, на смотря на попытки Валентина образовывать с помощью книг крестьян в округе.

Петр Верховенский отрицает традиционные норма морали, создавая мораль новую. Так и Валентин Верховцев воспринимает жизнь как поле для борьбы, видит либо в ниществе ориентир для создания своей внутренней философии, либо в отсутствии такого вообще. Именно поэтому он критикует своего друга, Петра и говорит: «Что читаете? Шопенгауэра! Вот так выкопали! И охота вам этой ерундой голову себе забивать. Уж если так захотелось философии, так взяли бы Ницше. А лучше совсем на нее наплевать, здоровей будете. Как насчет цели-то жизни?» [1, с. 497].

И Верховенский, и Верховцев стремятся подчинить себе окружающих, видя в них инструменты для достижения своих целей. Верховенский манипулирует всей своей «пятеркой», а Верховцев – Петей, к которому относится с покровительственной снисходительностью. Оба презируют пассивное философствование. Верховенский ненавидит «шекспиров» вроде Степана Трофимовича, а Верховцев с иронией высмеивает увлечение Пети Шопенгауэром, считая это бездействием в критический момент.

Тем не менее, между, казалось бы, столь противоположными героями, Пети Терновского и Петра Верховенского также есть скрытые параллели. Оба названы Петрами и носят символические фамилии (Терновский – от "терний", Верховенский – от "верха"). Это явно отсылка к евангельскому "камень Петра". Но если у Достоевского Пётр – "камень" разрушения, то у Андреева – "камень" страдания.

Оба персонажа – самые молодые в своем кругу. Их идеи и поступки окрашены юношеским максимализмом, хотя и проявляют они его по-разному. Петя Терновский, с его метаниями, вопросом «зачем жить?» и интересом к Шопенгауэру, воплощает тот самый дух болезненного рефлексизирующего сознания, которое Достоевский считал питательной средой для «бесов». Он – потенциальная жертва для вербовщиков вроде Верховенского.

Но зачем Леониду Андрееву захотелось создать не просто персонажа-двойника, а расщепить образ интригана и одержимого волей к власти Петра Верховенского на пессимиста и романтика Петю Терновского и либерал-демократа Валентина Верховцева? Возможно, нам удастся найти ответ на этот вопрос в записи в дневнике Леонида Николаевича от 23 августа 1892 года: «Не знаю просто, что с собою делать. Не могу описать того состояния, в каком нахожусь все эти дни. Меня мучает мое “я”. Как будто разделился я на две половины. Одна смеется, скучает, говорит, ухаживает, целуется, а другая не сводит с нее глаз и ежеминутно спрашивает: “Ну что, как весело, а зачем это, к

чему?” И с иронией прибавляет: “А вот сейчас станет скучно. Да и сейчас скучно, а это ты обманываешь себя, что тебе весело. Обманываешь, обманываешь”» [3].

Словно повторяя внутренний диалог автора, «зачем» восклицает и Петя: «Я не знаю, что со мною происходит, я мучаюсь, я схожу с ума и потерял смысл жизни, я не понимаю, зачем все это: зачем молодые, зачем старые, зачем жизнь, зачем смерть. Я ничего не понимаю, а они смеются только» [1, с. 507]. Если у Андреева смеется его второй внутренний голос, то в пьесе над Петей потешаются его либерально настроенные домочадцы – Анна и Валентин, что Петя сам и констатирует. Обратим внимание, в пьесе делается намек на возможность решить внутренний конфликт, поскольку Валентин произносит далее: «Когда вы успокоитесь, я с удовольствием с вами поговорю, о чем хотите, хотя о цели жизни» [17, с. 508], однако самого диалога так и не происходит...

Почему у Леонида Николаевича в ранней редакции пьесы не нашлось места для душевного разговора между Петей и Валентином, где старший товарищ объяснил бы юноше, что смысл жизни в борьбе угнетенных против угнетателей? Андреев не видит ни в декадентстве и отстранении, ни в революции правильного решения. Он честно говорит об этом – отсюда и такое распыление его персонажей, отсюда и диалога с ответами на вопросы Петра нет. В личной переписке драматурга с его сердечным другом М. Горьким: «Я согласился, а теперь колеблюсь. По натуре я не революционер; не люблю шума, драки, толпы и теряюсь в них; не люблю тайный болтлив, вообще в действии не гоюсь ни к чему. С другой стороны, люблю в тишине думать, и в области мысли моей задачи мои, как они мне представляются, революционные. Мне еще очень много хочется сказать – о жизни и о боге, которого я ищу. Как быть, не знаю. Слушаться совести – но она говорит десятком голосами. То говорит – иди, так лучше. То – сиди, так лучше. Не знаю. Посоветуй. Поступлю, как скажешь» [9, с. 128].

Здесь мы можем обвинить Андреева в перекладывании ответственности за принятие решений на Горького. «Поступлю, как скажешь» – звучит инфантильно для писателя, однако Андреев даже слишком ответственно подходит к ответу на философские вопросы, и такая скрупулёзность играет с ним злую шутку: он глохнет от хора внутренних голосов и не может найти истину. Еще в далеком 1892 году Андреев писал в своем дневнике: «Мне далеко не безразлично, изучать ли русское право и полит[ическую] эк[ономию], приноровленные по мере возможности не к разрушению основ, а к

поддержанию оных, или же изучать действительную науку, чуждую в своей чистоте всякой партийности» [2].

Поэтому и Петя, и Верховцев не носители верной или неверной идеологии. Ответа на вопрос, что истинно, а что нет, не знает и сам автор драмы.

Выводы

Резюмируя все изложенное выше, необходимо сказать, что Л. Андреев, безусловно, продолжает традицию Ф.М. Достоевского, развивая тему судьбы России, однако теперь «дух времени» - это не коварный Петр Верховенский. Это целых два героя-выразителя авторских идей – Петя и Верховцев.

Валентин Верховцев – тип революционера-просветителя, чья вера в разум и слово сталкивается с реальностью хаоса и невежества. Он хочет изменить мир к лучшему, но его методы не работают, а его собственная фигура становится симво-

лом разочарования и кризиса революционной интеллигенции 1905 года. Андреев показывает его не как героя или злодея, а как сложную, трагическую личность, застрявшую в историческом тупике.

Петя Терновский – пассивная, страдающая жертва. Он не стремится никого подчинить или уничтожить. Его бунт – это бунт отчаяния, поиск смысла в мире, который ему кажется абсурдным. Им движет экзистенциальная тоска.

Ни один из них не дает истинного ответа на вопрос, куда следует двигаться России 1905 г. Споря друг с другом на протяжении пьесы, они громко проговаривают внутренние метания самого Леонида Николаевича, которые до этого он открывал только в своих дневниках и личных письмах. Л. Андреев смог, возможно, бессознательно, показать всю тщетность следования что одному, что другому пути. Все потуги безрезультатны перед лицом невежества и хаоса.

Список источников

1. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Москва: Наука, 2017. Т. 4. 720 с.
2. Андреев Л.Н. Дневник. 11 апр. 1892 г. // РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 9 об.
3. Андреев Л.Н. Дневник. 23 авг. 1892 г. // РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 23.
4. Андреев Л.Н. Дневник. 27 марта 1897 г. // РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 45.
5. Андреев Л.Н. Письмо [своему брату?]. 30 окт. 1890 г. // РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 22-22 об.
6. Андреевский сборник: исследования и материалы / Курский гос. пед. ин-т; под науч. ред. Л. Н. Афонина. Курск: [б. и.], 1975. 262 с.
7. Берковский Н.Я. Литература и театр: статьи. Москва: Искусство, 1969. 639 с.
8. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28: Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1954. 935 с.
9. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1965. 615 с.
10. Зябрева Г.А. Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска // Вопросы русской литературы. 2012. № 24 (81). С. 45 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-andreev-traditsiya-duhovnogo-poiska> (дата обращения: 24.06.2024)
11. Икитян Л.Н. Леонид Андреев: движение по пути, указанному Достоевским // Гуманитарная парадигма. 2021. № 3 (18). С. 78 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leonid-andreev-dvizhenie-po-puti-ukazannomu-dostoevskim> (дата обращения: 24.06.2024)
12. Казакова Н.Ю. К осмыслению публицистического пласта романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: Петр Верховенский как архетип // Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 8 (17). С. 112 – 125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-osmysleniyu-publitsisticheskogo-plasta-romana-f-m-dostoevskogo-besy-petr-verhovenskiy-kak-arhetip> (дата обращения: 24.06.2024)
13. Кржижановский С.Д. Философема о театре. 1923. URL: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0370.shtml (дата обращения: 31.05.2024)
14. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 224 – 242.
15. Мескин В.А., Браиловский С.М., Цай И. Творческие дискуссии М. Горького и Л. Андреева в ретроспективном обозрении // Наука и школа. 2025. № 1-1. С. 39 – 49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-39-49
16. Паншев Н.В. Петр Верховенский как агент-provokator // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 67 – 82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-verhovenskiy-kak-agent-provokator> (дата обращения: 24.06.2024)

17. Пращерук Н.В. Несостоявшийся диалог: Достоевский и Андреев // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2014. № 3 (9). С. 5 – 12. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35798/1/evf-2014-09.pdf> (дата обращения: 31.05.2024)
18. Ханзен-Леви О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм: пер. с нем. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 512 с.
19. Хотакко В.А. Петр Верховенский в системе героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // *Проблемы исторической поэтики*. 2024. Т. 22. № 2. С. 154 – 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-verhovenskiy-v-sisteme-geroev-romana-f-m-dostoevskogo-besy> (дата обращения: 24.06.2024)

References

1. Andreev L.N. Complete collection of works and letters: in 23 volumes. Moscow: Nauka, 2017. Vol. 4. 720 p.
2. Andreev L.N. Diary. 11 Apr 1892. RO IRLI. F. 9. Op. 1. Unit hr. 16. L. 9 vol.
3. Andreev L.N. Diary. Aug 23 1892. RO IRLI. F. 9. Op. 1. Unit hr. 16. L. 23.
4. Andreev L.N. Diary. March 27, 1897. RO IRLI. F. 9. Op. 1. Unit hr. 17. L. 45.
5. Andreev L.N. Letter [to his brother?]. October 30, 1890. RO IRLI. Fund 9. Op. 2. Unit 26. Sheets 22-22 rev.
6. Andreevsky Collection: Research and Materials. Kursk State Pedagogical Institute; edited by L. N. Afonin. Kursk: [no record], 1975. 262 p.
7. Berkovsky N.Ya. Literature and Theater: Articles. Moscow: Iskusstvo, 1969. 639 p.
8. Gorky M. Collected Works: in 30 volumes. Vol. 28: Letters, Telegrams, Inscriptions. 1889-1906. Moscow: State Publishing House of Art Literature, 1954. 935 p.
9. Gorky and Leonid Andreev: Unpublished correspondence. USSR Academy of Sciences, Institute of World Literature. them. A.M. Gorky. Moscow: Nauka, 1965. 615 p.
10. Zyabreva G.A. Dostoevsky and Andreev: the tradition of spiritual search. Questions of Russian literature. 2012. No. 24 (81). P. 45 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-andreev-traditsiya-duhovnogo-poiska> (date of access: 06.24.2024)
11. Ikityan L.N. Leonid Andreev: movement along the path indicated by Dostoevsky. Humanitarian paradigm. 2021. No. 3 (18). P. 78 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leonid-andreev-dvizhenie-po-puti-ukazannomu-dostoevskim> (date of access: 06.24.2024)
12. Kazakova N.Yu. Towards an understanding of the journalistic layer of the novel by F.M. Dostoevsky “Demons”: Peter Verkhovensky as an archetype. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: “Literary Studies. Linguistics. Culturology”. 2016. No. 8 (17). P. 112 – 125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-osmysleniyu-publitsisticheskogo-plasta-romana-f-m-dostoevskogo-besy-petr-verhovenskiy-kak-arhetip> (date of access: 06.24.2024)
13. Krzhizhanovsky S.D. Philosophy of the Theatre. 1923. URL: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0370.shtml (date of access: 05.31.2024)
14. Lotman Yu.M. The Origin of the Plot in Typological Illumination. Lotman Yu.M. Selected articles: in 3 volumes. Tallinn: Alexandra, 1992. Vol. 1. P. 224 – 242.
15. Meskin V.A., Brailovsky S.M., Tsai I. Creative discussions between M. Gorky and L. Andreev in a retrospective review. Science and School. 2025. No. 1-1. P. 39 – 49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-39-49
16. Panshev N.V. Pyotr Verkhovensky as an agent provocateur. Literary Studies Journal. 2002. No. 16. P. 67 – 82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-verhovenskiy-kak-agent-provokator> (date of access: 24.06.2024)
17. Prashcheruk N.V. Failed Dialogue: Dostoevsky and Andreev. *Universum: Philology and Art Criticism*. 2014. No. 3 (9). P. 5 – 12. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35798/1/evf-2014-09.pdf> (date of access: 31.05.2024)
18. Hansen-Loewe O. Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism: trans. from German. St. Petersburg: Academicheskyy Proekt, 2003. 512 p.
19. Hotakko V.A. “Pyotr Verkhovensky in the System of Heroes of F.M. Dostoevsky’s Novel “Demons”.” *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 154 – 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-verhovenskiy-v-sisteme-geroev-romana-f-m-dostoevskogo-besy> (date of access: 24.06.2024)

Информация об авторе

Кадлубинская П.В., аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, самозанятая, ORCID <https://orcid.org/0009-0006-8717-1540>
pkadlubinskaya@yandex.ru

© Кадлубинская П.В., 2025